

ГЛАВА VII

«ОКРУЖЕНИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ ...АРМИИ НЕМЦЕВ... ПОД СТАЛИНГРАДОМ»

Прогноз Черчилля оправдывался. Летом 1942 г. германская армия на южном фланге советского фронта нанесла мощный удар. Фронт был прорван и немецкие войска устремились к Сталинграду и на Кавказ.

Казалось, что надвигается катастрофа. О серьезности создавшегося положения свидетельствовал появившийся в этих условиях приказ Сталина № 227. «Ни шагу назад!» — таков был смысл этого приказа, запрещавшего под страхом смерти отступление без приказа.

7 октября 1942 г. Сталин писал Рузвельту: «...Наше положение на юге, особенно в районе Сталинграда, ухудшилось»¹. «Положение на нашем Кавказском фронте несколько ухудшилось в сравнении с положением в октябре»², — писал Сталин Черчиллю.

Успешное наступление немецких войск летом и осенью 1942 г. вызвало многочисленные пессимистические отклики в различных кругах американской общественности. 15 июля 1942 г. один из руководителей газеты «Чикаго сан» И. Блант переслал письмо президенту Рузвельту, в котором напомнил, что в сентябре 1939 г. он, вернувшись из Европы, направил Рузвельту меморандум. В нем отмечалось, что «надо игнорировать пакт Гитлера со Сталиным. Грядет война между Россией и Германией, и нам не следует вступать в войну раньше России. Русская армия сильнее, чем обычно признают». Автор письма подчеркивал: «Сегодня мы совершаем ужасную ошибку, переоценивая силу России, не в том смысле, что у нее не хватает сил, а в том, что ситуация развивается в том направлении, которое сделает невозможным использовать эту силу, в конечном счете это приведет к ее уничтожению». Россия не сможет продолжать войну за Уралом, «если внутренние водные пути будут пере-

резаны потерей Волги возле Сталинграда». В заключение Блант подчеркивал: «Чего я опасюсь, так это политического решения Черчилля о том, что он не может пойти на риск военного разгрома на втором фронте, и перерастания этого опасения в уверенность, что в этом фронте нет необходимости»³.

Автор письма к Рузвельту, судя по содержанию и форме его обращения, был достаточно хорошо информирован о военно-политической обстановке в СССР. Но и он высказывал опасение о возможности того, что Россия может пойти на заключение сепаратного мира с Германией.

Общественность США с тревогой следила за развитием событий на южном участке огромного советско-германского фронта. Эта обеспокоенность отражалась в американской прессе.

Канзасская газета 17 июля 1942 г. писала, что в 1941 г. немцы наступали «на всем русском фронте от Балкан до Ленинграда, стремясь к уничтожению русских армий». Анализируя ситуацию, сложившуюся на советско-германском фронте к лету 1942 г., газеты отмечали, что «Гитлер, сконцентрировав силы на узком участке фронта, смог прорваться к Кавказу». С тревогой говорилось: «Если Россия потеряет свои железнодорожные пути на Кавказе, это будет тяжелым ударом... прорыв (немцев) к южным нефтяным источникам России затянет войну»⁴.

9 августа 1942 г. «Толика дейли кэпитл» перепечатала статью Х. Джонсона, в мрачных тонах описывавшего ситуацию на советско-германском фронте в районе Сталинграда, который «фактически уже пал». Это, писал Джонсон, угрожает расколоть русский фронт на две изолированные части — северную и южную, потерять кавказскую нефть и путь транспортировки помощи СССР через Иран. Немцы практически перекрыли пути подхода с моря к Мурманску и Архангельску. Если падет Россия, говорилось в статье, Гитлер последовательно нанесет удары по Англии, Исландии, Гренландии, а японцы атакуют Аляску. Это создаст возможности для бомбардировок промышленных центров США.

Автор считал, что задержка с открытием второго фронта нанесет тяжелый удар по России, на Донском фронте для русских вырисовывался «призрак Марны», возникла реальная угроза «обороне России»⁵.

По мере ухудшения положения Красной Армии под Сталинградом прогнозы американской прессы становились все более мрачными. 20 сентября 1942 г. канзасская газета писала: «После падения Сталинграда, а сейчас это стоит на повестке дня, военные эксперты ожидают мирного наступления Гитлера»⁶.

И вновь дебатировался вопрос о возможности того, что Сталин вынужден будет пойти на заключение сепаратного мира с Германией.

Напряжение на советско-германском фронте нарастало с каждым днем, и уже 25 сентября 1942 г. канзасская газета заявляла: «Если Сталинград падет до начала зимы, что сейчас кажется вероятным, нацисты выведут из России значительную часть механизированных войск, чтобы защититься от возможного вторжения (союзников) на континент с Запада».

Официальные сообщения и комментарии прессы о ходе боев за Сталинград и Кавказ дополнялись информацией советского посольства в Вашингтоне, в которой тоже было мало утешительного о положении на этом главном участке советско-германского фронта.

Посол СССР в США М.М. Литвинов, выступая на ленче в Вашингтоне 10 августа 1942 г., говорил о сложной ситуации под Сталинградом. Сотрудник газеты «Вашингтон пост» Н. Эллистон, слушавший это выступление, писал, что Литвинов убедительно показал тяжелое положение Советского Союза, сложившееся после последнего наступления немцев, и начертал довольно мрачные перспективы для советских вооруженных сил. «Он полностью отверг теорию о том, что, коль скоро Россия имеет бескрайние просторы, она может сражаться до бесконечности. Потеряны районы, производящие продовольствие и сырьевые материалы, в настоящее время возникла угроза нефтеносным регионам. Из его выступления можно было сделать вывод, что Сталинград падет. Если этого и не произойдет, сказал Литвинов, у нацистов есть возможность закрепиться где-либо на Волге с тем, чтобы эта крупная водная артерия не могла впредь использоваться для речных перевозок». Литвинов отметил большие трудности в использовании Каспийского моря для транспортных перевозок. «Тем временем, — говорил посол СССР, — Северный Кавказ уже прочно отрезан от Центральной России. А Северный Кавказ, наряду с Украиной, является главной житницей России». Докладчик скептически отнесся к заявлениям тех, кто считает, что у России «большие нефтяные резервы... Если они и имеются, нет необходимого оборудования, чтобы добыть эту нефть и переработать ее. Россия пыталась получить такое оборудование в США, но не смогла этого сделать»⁷.

Столь откровенное выступление советского посла позволяло общественности США увидеть объективную картину сложного положения на юге советско-германского фронта.

Выступление Литвинова свидетельствовало и об определенных проблемах, с которыми сталкивались советские организации в США.

Аналогичные трудности испытывали работники советского посольства, ВОКСа, журналисты и в Англии. О специфике их дея-

тельности дает наглядное представление письмо представителя ВОКСа в Англии, второго секретаря посольства СССР в Великобритании В. Зонова. 15 января 1943 г. он сообщал в ВОКС В.С. Кеменову о работе Комитета Общества культурной связи в Лондоне.

В отчете говорилось, что в ноябре 1942 г. новым членом Комитета был избран Джозеф Маклауд, диктор Би-Би-Си...

Имя Джозефа Маклауда в Англии исключительно популярно. Его отношение к Советскому Союзу было и остается очень теплым. Я хотел бы, писал В. Зонов, привести один факт, который произошел недавно и который проливает некоторый свет на отношение Джозефа Маклауда к СССР. Это было на большом митинге, состоявшемся в Лондоне 7 ноября 1942 г., посвященном 25-й годовщине Октябрьской революции. Организаторы этого митинга — Местный ОКС, Общество «Россия сегодня» и Национальный Совет Британско-Советского Единства — решили на этом митинге зачитать на английском языке речь Сталина, произнесенную им 6 ноября 1942 г. Приняв это решение, перед нами встал вопрос о человеке, который мог бы хорошо прочесть эту речь. Обращение было сделано к целому ряду лиц, но обычно люди отказывались под предлогом занятости, короткого срока и т.д. Когда обратились к Джозефу Маклауду, он без всяких оговорок согласился на это, несмотря на то что он служащий Би-Би-Си и тем более, что официальные английские власти участия в этом митинге не принимали. «Джозеф Маклауд, — говорилось в сообщении, — прочел речь т. Сталина исключительно хорошо, с подъемом, и вся аудитория в количестве 10 тысяч человек прослушала речь т. Сталина стоя»⁸.

Советские культурные центры в союзных и дружественных странах функционировали на общественных началах. И показательно, что, несмотря на серьезные политические проблемы, в активе этих центров было немало таких энтузиастов, как Джозеф Маклауд. Их вклад в работу советских культурных центров было трудно переоценить.

Тяжелая обстановка, сложившаяся летом и осенью 1942 г. под Сталинградом, вновь оживила дискуссию в союзных странах о возможности заключения СССР сепаратного мира с Германией.

Разведывательные службы, тем более те подразделения, которые готовят оценочные материалы для главы государства, занимаются анализом только тех событий, которые имеют важное практическое значение. С этой точки зрения показателен большой интерес разведки США к вопросу о возможности заключения сепаратного мира между Германией и СССР в период, когда исход Сталинградской битвы еще не был определен.

В докладе от 16 октября 1942 г. разведка США констатировала: «В то время как американцы снимают шляпы перед вкладом России в борьбу с общим противником, многие из них продолжают подозревать, что она может заключить сепаратный мир с Гитлером или не будет сотрудничать с нами после войны». Приводились результаты опроса американцев в мае 1942 г. 77% опрошенных отметили, что Англия не заключит сепаратного мира с Германией. В отношении СССР такой же ответ дал 51% опрошенных. В июле 1942 г. соответствующие ответы составили 81% и 56%⁹.

В чем причины того, что союзники СССР каждый раз, когда положение Красной Армии серьезно ухудшалось, поднимали вопрос о том, что Сталин мог пойти на заключение сепаратного мира с Гитлером? Казалось бы, такие предположения беспочвенны с учетом того, что Германия вероломно напала на Советский Союз и немцы творили страшные зверства на оккупированной советской территории.

И если вопрос о возможности заключения сепаратного мира между СССР и Германией постоянно будировался в союзных Советскому Союзу странах, то объяснение этому может быть только одно. Союзники столь откровенно нарушали свое главное обязательство перед СССР — об открытии второго фронта, советский союзник в результате этого вынужден был сражаться один на один с основными силами Германии и ее сателлитов, нес при этом такие людские и материальные потери, что аналитики в союзных странах были убеждены в возможности того, что Советский Союз вынужден будет пойти на заключение сепаратного мира с Германией.

Аналогичная тревожная реакция на Сталинградскую битву была не только в США, но и в Англии. В «мемуарах Черчилля хорошо передана напряженная ситуация, сложившаяся летом 1942 г. под Сталинградом. Премьер приводил слова Сталина из его послания на имя Черчилля от 31 июля 1942 г., в котором говорилось, что «угроза со стороны (Гитлера. — *Р.И.*) в отношении Англии, США и СССР теперь достигла особой силы». В послании Рузвельту от 27 июля 1942 г. Черчилль очень скептически оценивал положение на Сталинградском фронте. Он допускал даже самое худшее — поражение СССР в войне¹⁰.

Рост напряжения под Сталинградом оказывал свое прямое воздействие на настроение общественности в союзных странах, в частности, на ее отношение к Сталину.

Вице-консул СССР в Сан-Франциско Г. Хейфец 8 июня 1942 г. направил в НКВД и в ВОКС подробный, на 23 машинописных страницах, отчет о деятельности Американско-русского института за апрель 1942 г. В отчете о деятельности этого старейшего в США уч-

реждения, занимавшегося проблемами советско-американских отношений, говорилось о лекции Анны Луизы Стронг в АРИ на тему «Советы это сделают».

В отчете отмечалось, что ее книга «Советы ожидали это» разошлась тиражом в 40 тысяч экз. В своих публичных выступлениях, писал Хейфец, Стронг ставит вопросы остро, не боится скользких мест, «говорит о Советском Союзе как друг Советского Союза, которая понимает политику СССР, народ, общественных и политических руководителей страны». Отчет Хейфеца хорошо передавал напряженность дебатов в США вокруг личности Сталина.

Первый же вопрос после доклада, писал Хейфец, явно показал, что местные белогвардейцы послали своих демагогов на этот доклад. Один из слушателей на английском языке спросил Стронг, «известно ли ей, что Ленин писал о Сталине в своем завещании». Стронг возразила: «Я знаю, что в течение почти 20 лет Сталин ведет страну и показал себя великим человеком». Последовал гром аплодисментов, говорилось в отчете. Настроение аудитории, видимо, успокоило тех делегатов, которые пришли не столько слушать доклад, сколько его срывать.

Три тысячи слушателей с большим вниманием выслушали выступление Луизы Стронг, которое неоднократно прерывалось аплодисментами. «Однако пресса Сан-Франциско полностью замолчала лекцию, несмотря на то что газеты предварительно сообщили о ее выступлении. Только “Пипл Уорлд” и еврейская “Эль Эмануэль” откликнулись на этот доклад».

Обстановка в союзных странах накануне контрнаступления Красной Армии под Сталинградом была мрачной. Четко прослеживалось в настроениях прессы, общественности сомнение в возможности Красной Армии выдержать мощный натиск немецких вооруженных сил.

Сталин не делал секрета из советских планов в боях за Сталинград. В переписке с Рузвельтом и Черчиллем Советский Главнокомандующий регулярно информировал их о положении на этом главном участке советско-германского фронта. В свою очередь, Сталин получал от них полную информацию о положении в Северной Африке.

14 ноября 1942 г. Сталин сообщал Черчиллю: «В ближайшее время думаем начать зимнюю кампанию. Когда именно удастся начать, это зависит от погоды, которая не в нашей власти. О ходе операций буду осведомлять Вас регулярно»¹².

«Ближайшее время» наступило 19 ноября, когда мощной артиллерийской подготовкой началось контрнаступление Красной Армии под Сталинградом.

В США в период кровопролитной обороны Сталинграда было опубликовано особенно много пессимистических заявлений об исходе этих боев для Красной Армии. Теперь же именно в Соединенных Штатах появились самые восторженные оценки значения победы советских вооруженных сил, одержанной под Сталинградом, о роли Сталина в этой победе.

24 ноября 1942 г. из Нью-Йорка сообщали, что «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Красная Армия претворяет в жизнь заявление Сталина, сделанное на прошлой неделе, о том, что Красная Армия выполнит с честью свою задачу так же, как она ее выполняла на протяжении всей войны»¹³.

Выходящая в Далласе (штат Техас) газета «Морнинг ньюс» заявляла, что способность Красной Армии укреплять свои силы является одним из чудес нынешней войны. Россия пережила много испытаний, какие никогда не переживала ни одна держава. Однако Россия сейчас сильнее, чем когда-либо за все время войны. Газета «Газетт» (штат Колорадо) также отмечала большую мощь русской армии, ее храбрость и военную мудрость руководства советских вооруженных сил, доказанные на деле.

Газета «Пост» напоминала, что больше года тому назад Гитлер хвастливо заявлял о том, что Красная Армия уже уничтожена. «Однако, — иронически замечала газета, — Гитлер, к несчастью для него, не может убедить в этом самих наступающих русских».

Газета «Трибюн» (Окленд) писала: «В течение 18 месяцев Красная Армия непоколебимо выдерживала натиск всей военной машины держав оси. До тех пор, пока хвастливый Гитлер не был поставлен на колени у ворот Москвы в прошлом году, многие в США не признавали, что Советский Союз обладает большой военной мощью, что его генералы — первоклассные стратеги, что Сталин является одним из величайших руководителей в мире. Ныне Россия топчет честолюбивые замыслы Гитлера в крови его армий».

Газета «Инкуайрер» (Филадельфия) спрашивала, к каким уверткам придется теперь прибегнуть Гитлеру, чтобы объяснить провал своих прежних хвастливых заявлений и нынешнее наступление русских¹⁴.

Исключительно высокую оценку Сталинградской битве и последующим успехам Красной Армии давали сенаторы США.

Сенатор-демократ Пеппер заявил: «Фундамент нацистского храма зла быстро рушится, и все гитлеровское здание шатается. Давайте нанесем врагу новые удары! Слава русским!»

Сенатор-демократ Томас так оценивал успехи Красной Армии: «Нет слов, чтобы выразить восхищение военным гением, обеспечившим занятие Ростова и разгром немецкой армии на Кавказе...

Мы, американцы, и все свободолюбивые народы мира поздравляем русский народ и Верховного Главнокомандующего советскими вооруженными силами. Как указал в своем приветствии Сталину наш президент, русский народ своим примером вызывает среди Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага»¹⁵.

И после Сталинградской битвы оценки Сталина в США были столь же многообразны, как и политический спектр страны. Это наглядно проявлялось в публикациях канзасской прессы. В одной из газет был опубликован портрет Сталина, выполненный в авангардистской манере. Советский руководитель выглядел на нем поразительно свирепым. Под портретом была надпись: «Наш союзник». Читатель должен был делать вывод, какого же союзника послала американцам судьба.

10 декабря 1943 г. «Канзас-Сити стар» опубликовала материал совсем другого характера. Суть публикации была в том, что в 1936 г. в зарубежных странах прошла серия статей, в которых говорилось о тяжелой болезни, а позднее и о смерти Сталина. Чарльз Ниттер, уроженец Канзаса, корреспондент Ассошиэйтед Пресс в Москве, немедленно направился в Кремль и передал для Сталина письмо, в котором просил его подтвердить или опровергнуть эти слухи.

Сценарий разворачивался почти как по Марку Твену. Сталин ответил журналисту немедленно:

«Милостивый государь!

Насколько мне известно из сообщений иностранной прессы, я давно уже оставил сей земной мир и переселился на тот свет. Так как к сообщениям иностранной прессы нельзя не относиться с доверием, если Вы не хотите быть вычеркнутым из списка цивилизованных людей, то прошу верить этим сообщениям и не нарушать моего покоя в тишине потустороннего мира.

26.X.36 г. С уважением И. Сталин».

Ответ Сталина был дан газетой на русском языке. В опубликованном документе Сталин выступал не как мрачный диктатор, лишенный каких-либо привлекательных личных качеств (что было достаточно распространенным явлением для американской прессы), а как человек, не лишенный чувства юмора. А это качество американцы очень ценят в любом человеке, тем более у руководителей столь высокого ранга, как Сталин.

В союзных странах обращали внимание на то, что Сталин даже в самое тяжелое для СССР военное лихолетье держался очень уверенно и независимо и с Рузвельтом, и с Черчиллем.

Комментируя отказ Сталина принять участие во встрече Рузвельта с Черчиллем в Касабланке в январе 1943 г., американский журналист Джеймс Браун писал: «Предложение Рузвельта и Черчилля Сталину встретиться с ними в Касабланке или в Каире было непродуманным и отражало полное их непонимание советской позиции». Ответ Сталина, говорилось в статье, сводился к тому, что он занят «военными делами. У него нет времени на разговоры». Автор резонно ставил вопрос: «Если он слишком занят, то мог бы направить на эту встречу Молотова».

Одну из причин отказа Сталина встретиться с Черчиллем и Рузвельтом Браун видел в «обиде русских на то, что они одни сражаются в Европе». В статье отмечалось, что цель русских — вышвырнуть немцев из России, и поэтому Сталин «не намерен был обсуждать с Рузвельтом и Черчиллем глобальные проблемы, которые их интересуют». Браун писал, что Черчилль рассчитывал на то, что «присутствие Рузвельта на этой встрече заставит Сталина принять предложение»¹⁶. Однако эти расчеты не оправдались.

«Сталина, — писал английский историк Хайд, — пригласили присоединиться в январе 1943 г. к Черчиллю и Рузвельту, встретившимся в Касабланке, но он отказался. У него было мало оснований надеяться на хороший результат этой встречи». Американцы, отмечал Хайд, согласились с предложением англичан высадиться в Сицилии, прежде чем вторгнуться во Францию. Это означало, что не может быть вопроса о высадке во Франции раньше 1944 г., если не произойдет неожиданного крушения Германии. «Сталина не убедили аргументы союзников в отношении их средиземноморской стратегии. Для него второй фронт был синонимом вторжения в Северную Францию»¹⁷.

И в США, и в Англии обращалось внимание на то, что Сталин допускал противоречивость в своих оценках военных усилий союзников, в частности, отмечалось, что в беседе с Иденом он «признал, что англо-американская кампания в Италии оказала помощь Советскому Союзу. Сталин сказал, что немцы больше не направляют на советский фронт свежие резервы». А в своих публичных выступлениях Сталин оценивал операции союзников в Италии более сдержанно.

Разгром немцев под Сталинградом резко повысил интерес в союзных странах к Советскому Союзу и прежде всего к Сталину. 24 февраля 1943 г. канзасская газета опубликовала статью «Сталин против вермахта». В ней говорилось: «Все более возрастает уверенность, что Иосиф Сталин в полном смысле слова лично руководит военными действиями русской армии. Это не означает, что он планирует каждую кампанию. Имеется в виду, что Сталин сам опреде-

ляет стратегию Красной Армии, назначает командный состав... диктатор Советского Союза, похоже, проявил себя, как самая величайшая личность всех времен»¹⁸.

1 марта 1943 г. другая канзасская газета опубликовала статью Г. Кассиди. Редакция отмечала, что Кассиди, только что вернувшийся в США из Москвы, где он является руководителем представительства агентства Ассошиэйтед Пресс, «20 месяцев, на протяжении всего периода участия русских в войне, был с ними». Автор статьи высоко оценивал личный вклад Сталина в победы Красной Армии, в деталях рассказывал о его методах руководства войсками, отмечал большую роль Сталина в разработке плана разгрома немцев под Сталинградом¹⁹.

В то же время, высоко оценивая победу Красной Армии в Сталинграде, канзасская газета делала вывод, что «вооруженные силы Сталина не могут в одиночку уничтожить немецкую армию. Тунисская кампания — это помощь Сталину. Бесперывный воздушный блиц союзников против Германии и оккупированных европейских стран отвлекает с русского фронта значительные военно-воздушные силы Германии». Подчеркивалось, что только совместные усилия союзников, вторжение англо-американских войск в Европу через Норвегию, Францию или Балканы приведут к разгрому Германии. «В случае, если русские смогут взять Ростов, Харьков и Курск, будут созданы все необходимые условия для большого наступления американских и британских армий»²⁰.

Американская пресса болезненно реагировала на критические высказывания советского руководства по поводу затягивания открытия второго фронта. В приказе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 23 февраля 1943 г. в связи с 25-й годовщиной Красной Армии говорилось: «Ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия несет одна всю тяжесть войны»²¹. Это заявление Сталина вызвало резко критические отзывы в США. 24 февраля 1943 г. «Канзас-Сити таймс», приведя данное высказывание советского руководителя, заявляла: «Союзные обозреватели считают, что это неправда. И они убеждены, что такая позиция Сталина нанесет ущерб нашим отношениям с Советским Союзом после войны». В статье отмечалось, что Сталин «достаточно реалистичен, чтобы понимать, что Красная Армия была бы в безнадежной ситуации, не имея она мощных зарубежных союзников».

Редакция журнала «Совьет рашн тудэй» организовала в феврале 1943 г. собрание, посвященное 25-й годовщине Красной Армии, на котором присутствовало 1700 человек. Бывший посол США в СССР Дэвис подробно остановился в своем выступлении на этом собрании

на успехах Красной Армии и заявил, что «прозорливость, смелость и способности Сталина, Молотова и других советских руководителей сделали возможными колоссальные достижения Советского Союза». Дэвис подчеркнул, что, «как подлинно великий человек, Сталин весьма скромн. Он отклонял все похвалы за строительство тех огромных промышленных предприятий, которые мне довелось видеть, и приписывал эти достижения усилиям тысяч своих инженеров, сподвижников и сотрудников». Я твердо уверен, говорил Дэвис, что, «если бы не предвидение, здравое суждение и неукротимая воля этого человека, нужных усилий не удалось бы создать, и немцы, перейдя советскую границу, не встретили бы танков, орудий, самолетов, которые помешали Гитлеру одолеть Советский Союз и тем самым не позволили ему установить свое господство над Европой и Азией, а в конечном счете, над Африкой и прилегающими морями»²².

Ни в коей мере не должно создаваться впечатление, что разгром немцев под Сталинградом вызвал у союзников что-то вроде эйфории, братания левых с правыми, консерваторов с либералами, взрыва симпатий к Сталину.

Продолжались те же политические, идеологические баталии между СССР и его союзниками, в центре которых оставалась фигура Сталина.

По американской традиции острейшие проблемы поднимались на пресс-конференциях президента.

23 февраля 1943 г. ТАСС сообщал из Вашингтона, что на пресс-конференции в Белом доме Рузвельт, отвечая на вопросы, заявил, что он еще не читал приказ Сталина. Комментатор Годвин, который выступал в радиопередачах, организуемых автопромышленником Фордом, попросил Рузвельта: не прокомментирует ли он заявления Сталина, которые, по словам Годвина, подразумевают, что Советский Союз прекратит войну, когда Красная Армия дойдет до советских границ? Рузвельт заявил, что сомнительно, чтобы Сталин сказал что-либо подобное. Рузвельт предостерег Годвина от легкомысленных истолкований ответственных документов.

Другой корреспондент попросил Рузвельта прокомментировать заявление Сталина о том, что Советский Союз один выносит все тяготы войны. Рузвельт заявил, что он читал это заявление в выдержке, но до сих пор не читал всего текста приказа, и поэтому опасно комментировать небольшую часть пространный документа.

Отвечая на вопрос относительно статьи Форреста Дэвиса, напечатанной в журнале «Сатердэй ивнинг пост», в которой говорилось, будто Рузвельт в январе 1942 г. дал определенные обязательства создать хоть какой-нибудь второй фронт в 1942 г. и, в конце

концов, решил создать второй фронт в Африке, Рузвельт заявил: «Можно, конечно, заниматься бесконечными и бесплодными спорами относительно того, что, собственно, является вторым фронтом. Однако нельзя отрицать того факта, что во Французской Северной Африке возник новый фронт»²³. В марте 1943 г. в США вышел специальный номер журнала «Лайф», посвященный Советскому Союзу. В номере было 116 страниц. На обложке журнала портрет Сталина. Объясняя этот первый в практике журнала случай издания специального номера, посвященного отдельной стране, редакция писала, что она хотела выразить свое «теплое, дружественное, полное уважения восхищение могучим русским народом» и помочь американским читателям лучше ознакомиться с достижениями Советского Союза. Редакция журнала подчеркивала, что «в настоящее время Советский Союз принадлежит к числу трех или четырех величайших индустриальных держав мира» и что «ни одной другой стране никогда не удавалось достичь таких громадных результатов за такой ограниченный период времени».

Журнал публиковал материалы о достижениях Советского Союза во всех областях.

Большое место отводилось биографическим материалам о руководителях Советского Союза. Были напечатаны их портреты. Большие разделы посвящались Красной Армии и ее героической борьбе с фашистскими захватчиками. В специальных материалах рассказывалось о русской живописи, театре, кино, балете. В отделе «Лицо России» были помещены снимки исторических памятников, дворцов, советских культурных учреждений и т.д.

В журнале публиковались фотографии, отражавшие американские поставки в СССР²⁴.

Разгром немцев под Сталинградом явился важным стимулом к активизации деятельности организаций, выступавших за укрепление дружественных отношений между США и СССР.

30 сентября 1943 г. ТАСС сообщал из Нью-Йорка, что Председатель Национального совета американо-советской дружбы Корлисс Лемонт опубликовал заявление о том, что 6—8 ноября в Нью-Йорке состоится Конгресс советско-американской дружбы, посвященный 10-й годовщине установления советско-американских дипломатических отношений.

В обращении Лемонта указывалось, что дипломатические отношения между США и СССР были установлены в 1933 г. «под мудрым руководством президента Рузвельта» и что «сегодня наши две страны ведут вместе с другими Объединенными Нациями и великими народами войну, от исхода которой зависит все будущее че-

ловечества. Сегодня это сотрудничество, превратившись в боевой союз, стало краеугольным камнем самой победы».

В обращении приводились слова Рузвельта: «Мир никогда не видел большей преданности, решимости и самопожертвования, чем те, которые были продемонстрированы русским народом и русскими армиями под руководством маршала Сталина. С нацией, которая спасая себя, тем самым помогает спасти весь мир от нацистской угрозы, с такой страной мы всегда рады быть добрыми соседями и искренними друзьями в будущем мире».

А затем был сделан вывод, что «это единство должно быть осуществлено и укреплено в форме развертывания полной коалиционной войны, этого единственного пути к победе Объединенных Наций. За полным сотрудничеством в пользу победы должно последовать полное сотрудничество в пользу мира»²⁵.

В самый напряженный момент битвы за Сталинград пришло сообщение о высадке англо-американских войск в Северной Африке. 8 ноября 1942 г. канзасская газета опубликовала фотографию генерал-лейтенанта Дуайта Эйзенхауэра. Текст к ней гласил, что «сын Канзаса... командует союзными силами, вторгшимися в Северную Африку и открывшими долго ожидавшийся второй фронт». Здесь же цитировалось официальное заявление Вашингтона в связи с операцией в Северной Африке, которая является «в качестве второго фронта эффективной помощью нашему героическому союзнику в России».

Миллионам американцев было ясно, что под Сталинградом развертывалась величайшая битва Второй мировой войны. Американский историк писал, что «огромное число американцев наблюдали за тем, как русские героически защищали Сталинград и молились за них. Уже тогда (в начале осени 1942 г. — *Р.И.*) они чувствовали, что это было решающее сражение войны... американское наступление в это время на небольших тихоокеанских островах по сравнению с эпическими масштабами Сталинградского сражения представлялось ничем»²⁶.

В те дни «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Американцы могут бросить взгляд на спокойные улочки своих городов и попытаться представить их в условиях страшных разрушений, которые обрушились на Сталинград. Они могут взглянуть на своих соседей и представить себе мужчин и женщин Сталинграда, сражающихся за каждую окровавленную пядь земли пригородных улиц... Сталин убивает тех, кто убивал бы американцев. В Сталинграде выиграно время для будущей победы». Приведя это высказывание, Р. Леверинг отмечал, что газета использовала «те слова, которые приводились во всех средствах информации и в речах политиков»²⁷.

В 1947 г. Гарриман, который в 1943—1948 гг. был послом США в СССР, говоря о советско-американском военном сотрудничестве в годы войны, отмечал ту же сторону проблемы, которую обсуждала «Нью-Йорк геральд трибюн». Гарриман сказал, что американцы в этом сотрудничестве руководствовались чисто прагматическими целями: Красная Армия «разобьет силы Гитлера и нам (американцам. — *Р.И.*) не придется самим выполнять эту грязную работу. Рузвельт не хотел допустить, чтобы войска США снова, как в Первой мировой войне, подверглись кровопусканию»²⁸.

Гарриман явно передергивал исторические факты: США вступили в Первую мировую войну на ее завершающем этапе. И людские потери США в этой войне по сравнению с ее основными участниками — Германией, Россией, Англией и Францией были очень незначительны. А если учесть, что Соединенные Штаты были единственной страной, полностью и в огромной степени получившей выигрыш от участия в Первой мировой войне, то ни о каком «кровопускании» американским войскам в той войне не могло быть и речи.

Огромное напряжение боев под Сталинградом вновь и вновь заставляло общественность США ставить вопрос: когда же, наконец, будет открыт второй фронт в Европе? Уэндл Уиллки, влиятельный член кабинета Рузвельта в конце сентября 1942 г., вскоре после встречи со Сталиным, выступая в Москве перед американскими журналистами, выразил мнение общественности США, сказав: «Я убежден, что в настоящий момент мы наилучшим образом можем помочь России, открыв совместно с Великобританией подлинный второй фронт в Европе». Уиллки подчеркивал, что это надо сделать «в кратчайшие сроки, приемлемые для наших военных руководителей... Летом следующего года может быть уже поздно»²⁹.

Уиллки не стал расшифровывать, что он имел в виду, говоря о том, что летом 1943 г., может, уже будет поздно говорить об открытии второго фронта. Однако с учетом тяжелейшего положения, сложившегося для Красной Армии к сентябрю 1942 г. на Сталинградском фронте, все было ясно: Уиллки допускал возможность самого худшего — поражения Советского Союза.

Подобная постановка вопроса влиятельным государственным и политическим деятелем США убедительно свидетельствовала о том, что Черчилль и Рузвельт играли с огнем, бесконечно откладывая открытие второго фронта.

Американцы особенно внимательно прислушивались к голосу руководителей США, которые достаточно хорошо знали Советский Союз. Одним из таких самых информированных деятелей был Джозеф Дэвис, бывший посол США в СССР. Выступая в конце

сентября 1942 г. в Вашингтоне, он отмечал: «Самая решающая битва за всю историю цивилизации происходит сегодня». Д. Дэвис говорил, что это «сражение, которое идет в Сталинграде».

3 февраля 1943 г. «Канзас-Сити таймс» перепечатала статью Элтона Блейкли из Ассошиэйтед Пресс, в которой Сталинградская битва рассматривалась как «поворотный пункт войны и величайшее поражение немецких армий во Второй мировой войне».

В статье исключительно высоко оценивался личный вклад в разгром немцев под Сталинградом «советского премьер-министра Сталина — величайшего стратега войны. Как заявил в понедельник в Каире премьер-министр Черчилль, Сталин — «великий воин».

Газета отмечала, что немецкие армии были наголову разбиты под Сталинградом. Эта битва — «поворотный пункт в войне и величайшая катастрофа для немецких армий на протяжении всей Второй мировой войны».

Иную оценку потенциала Сталина как военачальника давали представители советского высшего состава, непосредственно работавшие под его руководством. Бывший редактор «Красной звезды» Д. Ортенберг писал в своих воспоминаниях, что в беседе с ним по поводу приказа Сталина к дню Красной Армии от 23 февраля 1943 г., в котором был ряд спорных моментов, Жуков сказал ему, «что если в стратегии войны Верховный понемногу стал разбираться, то в области тактики оставался неграмотным»³⁰.

В Библиотеке Франклина Рузвельта, в фонде, где хранятся документы по ленд-лизу, я обратил внимание на отчет одного из американцев, занимавшегося военными поставками в СССР. Он сообщал своему руководству, что член советской комиссии по ленд-лизу Володарский в беседе с ним заявил, что Сталин не разбирается в военных вопросах, все военные проблемы решает маршал Б.М. Шапошников.

Советские культурные центры в союзных и дружественных странах в трудных условиях военного времени вели значительную работу среди местного населения, способствуя развитию всесторонних отношений между СССР и этими странами.

В работе таких центров уделялось большое внимание популяризации роли Сталина в руководстве борьбой Красной Армии, советского народа против немецких захватчиков.

О формах и методах такой деятельности давало представление информационное письмо «О работе уполномоченного ВОКСа в городе Хотане», китайская провинция Синьцзян, и о деятельности Хотанского филиала Китайско-Советского культурного общества за апрель — декабрь 1942 г.

«21 декабря 1942 г., — говорилось в этом письме, — состоялось собрание членов КСКО, посвященное 63-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Доклад о жизни и деятельности товарища Сталина сделал член президиума КСКО г-н Сун. Для докладчика уполномоченным ВОКСа были переданы биография товарища Сталина на русском языке и его статьи об отечественной войне на китайском языке»³¹.

Членами КСКО в Хотане были в основном местные чиновники, а председателем его Президиума — губернатор округа. Как только менялась политическая конъюнктура, этот «актив» Общества незамедлительно соответствующим образом на это реагировал.

6 апреля 1943 г. уполномоченный ВОКС в Хотане и Кашгаре Васюкович сообщал в Москву: «По сообщениям уполномоченных ВОКС в Хотане и Аксу, происходит изъятие литературы, изданной в СССР, и главным образом произведений Сталина “Вопросы ленинизма” и “Краткий курс истории ВКП(б)”, а также фотоснимков об Отечественной войне советского народа».

В информации сообщалось, что «изменившаяся политическая ситуация привела фактически к прекращению деятельности филиала КСКО»³².

Если на местах в гоминдановском Китае имели место такие проявления антисоветизма и недружественные акции по отношению лично к Сталину, то иные мотивы звучали в выступлениях руководителей гоминдана.

Из Чунцина 8 февраля 1943 г. сообщалось, что Генеральный секретарь ЦИК гоминдана У Дечен выступил с речью по радио. Китайский руководитель сказал: «Своим наступлением против гитлеровских полчищ Советский Союз наносит им ошеломляющие удары. Весь мир радуется и аплодирует величайшим победам, одержанным СССР. Достижения Советского Союза должны сыграть огромную роль в деле ускорения победы всех союзных стран в целом. В этом отношении ни одна страна не может сравниться с Советским Союзом». Генсек высоко отозвался об успехах Красной Армии: «Все это является результатом плодотворной деятельности великого вождя Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина»³³.

Сталинградская битва оказала огромное позитивное воздействие на настроение общественности в союзных странах. О настроениях американцев постоянно сообщалось в докладах разведслужбы США, анализировавшей комментарии американской прессы. 19 февраля 1943 г. в докладе этой службы отмечалось: «В этом году информация о русском зимнем наступлении даже более обнадеживающая по своему характеру, чем в прошлом году... Хорошие новости из России при-

ходят в этом году в то время, когда оптимизм американцев уже укрепился победами в Северной Африке и в юго-западной части Тихого океана. Большие надежды, порожденные прошлогодней русской кампанией, были, по крайней мере частично, ослаблены незначительными действиями на других театрах войны». Авторы доклада подчеркивали, что в 1943 г. информация об успехах Красной Армии дополняется сообщениями о победах союзников на других фронтах³⁴.

14 февраля 1943 г. канзасская газета в статье «Ватерлоо Второй мировой войны» писала: «Несомненно, что историки отнесут победу русских под Сталинградом к числу величайших битв мира». Газета отмечала, что сражение за Сталинград войдет в историю как «пик усилий Гитлера в борьбе за господство в Европе. Сейчас уже можно сказать, что битва за Сталинград — решающее сражение Второй мировой войны и она может стать Ватерлоо для Адольфа Гитлера и его банды убийц»^{35–37}.

Автор статьи высоко оценивал личный вклад Сталина в победы Красной Армии, в деталях рассказывал о его методах руководства войсками, делая вывод: «Он не является кабинетным стратегом». Кассиди отмечал личный вклад Сталина в разработку плана разгрома немцев под Сталинградом.

Значительно реже, но пресса союзников давала положительные оценки не только Сталину, но и другим советским военачальникам.

Американский журналист Браун в 1943 г. в статье «Контрнаступление», подробно рассказав о разгроме немцев под Сталинградом, писал: «Генерал Жуков, назначенный Сталиным первым заместителем маршала Шапошникова, является фактически вторым лицом в командовании Красной Армией. Это блестящий военный специалист, стойкий и безжалостный. Кремль безраздельно доверяет ему. Именно поэтому Жукову поручается выполнение задач, особенно важных для Сталина». Автор подробно излагал боевой путь Жукова в Великой Отечественной войне³⁸.

Кассиди и другие авторы, писавшие о том, что Сталин был автором плана разгрома немцев под Сталинградом, конечно, не были информированы о том, как принимался этот план, кто из советских военачальников и какие предлагал варианты Сталинградской кампании.

Известный отечественный военачальник, генерал армии, доктор исторических и доктор военных наук М.А. Гареев писал: «В конечном счете Сталин принял вариант, предложенный Г.К. Жуковым и А.М. Василевским, предусматривающий нанесение ударов с севера и юга по сходящимся направлениям на Калач с одновременным выделением войск для создания внутреннего и внешнего фронтов окружения»^{39–40}.

В США было немало различных высказываний относительно перспектив развития событий на советско-германском фронте. Но с особым вниманием американцы прислушивались к мнению тех обозревателей, которые строили свои выводы на основании глубокого анализа всей мировой военно-политической ситуации, чьи предвидения подтверждались ходом войны.

Среди таких обозревателей особенно выделялся Макс Вернер, предсказавший не только неизбежность войны, но и то, что советско-германское противоборство займет в ней главное место, что Красная Армия поразит человечество, что французская армия, считавшаяся лучшей в мире, окажется неспособной наступать, что Польша быстро рухнет, а Италия неизбежно станет обузой для «нацистов».

В 1940 г., после падения Франции, когда действовал советско-германский пакт, а призраком большевизма пугали весь мир, Вернер предсказал в своей работе «Битва за мир» «неизбежность войны между Гитлером и Советами и неотвратимость англо-американо-советского сотрудничества».

В 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, когда многие обозреватели пророчили падение этого города, Вернер в своей книге «Великое наступление» и в многочисленных статьях предсказывал, что «немецкое летнее наступление движется к грандиозной катастрофе, а грядущее контрнаступление красных приведет к величайшему, никогда не виданному ранее разгрому немецких армий».

Перечислив все эти поразительные предсказания М. Вернера, канзасская газета делала вывод: «Взятые вместе, они делают Вернера, пожалуй, самым авторитетным военным комментатором современной эпохи». Дав столь яркую рекламу работам этого обозревателя, газета сообщала, что он опубликовал новую книгу «Наступление может привести к победе в 43-м году».

Мнение столь авторитетного военного обозревателя было, безусловно, интересно для американцев. Рецензируя его книгу, газета подчеркивала, что Вернер решительно выступает за открытие второго фронта. «Наступление (союзников. — *Р.И.*), соответствующим образом предпринятое и продолженное, может привести в 1943 г. к разгрому германского вермахта, и нет причин, по которым нельзя предпринять такое наступление».

Вернер писал, что в годы Первой мировой войны немецкий план Шлиффена был разбит в битве на Марне. «Таково же, — отмечал Вернер, — положение немцев сегодня. Их планы вновь были сорваны дважды — под Москвой и под Сталинградом».

Вернер рассматривал разгром немцев в Сталинградской битве как величайший стратегический успех и делал заключение: «Не-

мецкий солдат не может сражаться без уверенности в победе... Вермахт психологически не может преодолеть два фактора: англо-американское вторжение в Европу и новое тяжелое отступление в России. Объединенное наступление антигитлеровской коалиции имеет все шансы на то, чтобы сломить сопротивление вермахта в моральном плане даже до того, как это будет достигнуто материально»⁴¹.

Показательно, что отсчет грядущей победы союзного оружия популярный американский журналист вел от Сталинградской битвы.

Если наиболее авторитетный военный обозреватель Макс Вернер давал исключительно высокую оценку Сталинградской битве, то иными были оценки разведывательной службы США, основывавшиеся на анализе американской прессы.

6 ноября 1942 г. в докладе американской разведки говорилось: «Бои в России в значительной мере игнорируются аналитиками (средств массовой информации. — *Р.И.*). Они высказывают удовлетворение в связи с продолжающимся сопротивлением русских в Сталинграде, но отмечают, что Красная Армия оказалась неспособной выбить захватчиков из города и что нацисты получают выигрыш, упорно продвигаясь к грозненским нефтерождениям».

Здесь же давался тщательный профессиональный анализ военных операций на Соломоновых островах, подробно говорилось о деятельности генерала Дугласа Макартура против японцев.

В докладе отмечалось: «Если наступление в Африке будет успешным, то, по мнению ряда комментаторов, второй фронт против нацистов может быть открыт путем вторжения в Италию»⁴².

И ни одного упоминания о том, что будущая итальянская кампания была бы только эрзацем второго фронта и не более, что подлинным вторым фронтом могло быть только вторжение во Францию.

Разведывательная служба США проявляла явную недооценку значения разгрома немцев под Сталинградом. 19 ноября 1942 г. началось мощное контрнаступление Красной Армии под Сталинградом, а 20 ноября доклад начинался с оценки операций вокруг Соломоновых островов на Тихом океане и действий союзников в Северной Африке. О Сталинграде в докладе не говорилось ничего⁴³.

Разумеется, необходимо учитывать, что разведслужба высказывала не свое мнение, а анализировала позицию средств массовой информации.

Однако, готовя аналитические оценки для президента, разведслужба обязана была давать, вне зависимости от политических симпатий ее руководства, объективную оценку операций на фронтах мировой войны. В данном случае профессиональная компетентность разведки США оказалась не на высоте тех требований, которые

к ней предъявляли сложные события, происходившие в это время в ходе Второй мировой войны.

4 декабря 1942 г. в докладе разведслужбы США отмечалось: «Осторожность в текущих комментариях в отношении Северной Африки дополнялась почти отсутствием оценок нового русского наступления (под Сталинградом. — *Р.И.*)». В докладе констатировалось: «Комментаторы и прессы, и радио восприняли русское коммюнике (о разгроме немцев под Сталинградом. — *Р.И.*) с настороженностью и публикуют много предположений о поражении нацистов на Восточном фронте. Значительный упор делается на русских утверждениях о немецких потерях». В докладе констатировалось: «С особой теплотой воздается хвала мощи... Красной Армии. Хотя значительное число комментариев сводится к тому, что англо-американские успехи в Северной Африке сделали возможным русское наступление (под Сталинградом. — *Р.И.*)...»⁴⁴.

В том же докладе, в параграфе «Поворотный пункт» отмечалось: «Для миллионов американцев наше наступление в Северной Африке означает подлинный поворотный пункт в войне». Далее говорилось, что информация о «величайшей морской победе на Тихом океане оказала драматическое воздействие на общественное мнение... Три четверти американцев убеждены в том, что мы оседлали главную дорогу, которая ведет к победе»⁴⁵.

Вслед за прессой США американская разведывательная служба явно извращала ход Второй мировой войны, принижала решающее значение разгрома немцев под Сталинградом для всего хода этой войны. В частности, грубейшей фальсификацией хода военных действий на фронтах Второй мировой войны явилось утверждение о том, что американские успехи в Северной Африке создали необходимые условия для наступления Красной Армии под Сталинградом.

Как видно из переписки Рузвельта со Сталиным, президент США, вопреки мнению своей разведки, давал очень высокую оценку Сталинградской битве как поворотному событию всей Второй мировой войны.

В США резко негативно отреагировали на заявление Сталина в его приказе от 23 февраля 1943 г. о том, что ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия одна несет всю тяжесть войны⁴⁶. 24 февраля 1943 г. «Канзас-Сити таймс», приведя эти слова Сталина, указывала на роль Великобритании, Китая, США в борьбе с общим противником, на помощь Советскому Союзу военными поставками, бомбардировками Германии с воздуха, на операции союзников в Северной Африке. И в заключение статьи отмечалось, что «очевидно самое главное — Япония лишена возможности на-

нести удар России в спину, так как (США. — *Р.И.*) несут главную тяжесть войны на Тихом океане».

Черчилль очень жестко парировал советские упреки в том, что союзники затягивают открытие второго фронта. Премьер-министр заявил: «Мы уже воюем на трех фронтах — в Атлантике, на Тихом океане и на Ближнем Востоке»⁴⁷.

Однако премьер-министр Великобритании не посчитал нужным сообщить, сколько дивизий противника сражалось на этих фронтах против английских вооруженных сил. Если бы он произвел такой подсчет, то реальный вклад Англии в борьбу против общего противника выглядел бы очень неубедительно по сравнению с военными усилиями советских вооруженных сил.

Разгром немцев под Сталинградом оказал позитивное влияние и на консервативную, антисоветски, антисталински настроенную общественность союзных стран.

Известный американский консервативный журналист Маккормик писал: «Советские войска не только доказали, что они являются величайшей современной армией, прекрасно руководимой и отлично оснащенной. Советские вооруженные силы превратили Советский Союз в мощнейшую мировую державу, каковой никогда не была Российская империя. Они не только упрочили политику Сталина и укрепили его престиж в России и за ее пределами. Вооруженные силы России дали в руки Сталину могущественный инструмент для реализации его планов в будущем»⁴⁸.

Подобное заявление резко консервативного журналиста, опубликованное к тому же в самой популярной газете («Нью-Йорк таймс»), свидетельствовало о росте авторитета Советского Союза и Сталина среди консервативной части американского общества.

Выступление Маккормика относилось только к положительной оценке советского военного потенциала. Что же касается взглядов союзников на советскую политическую систему, то они ни в коей мере не были поколеблены разгромом немцев под Сталинградом.

Типичной с этой точки зрения была редакционная статья журнала «Нью Рипаблик». В ней говорилось, что в России совершенно иное, чем в демократических странах, отношение к главным свободам человека. Россия — страна, «в которой откровенно отрицается свобода слова, свобода от страха и с большим недовольством в какой-то мере соблюдается свобода религии»⁴⁹.

Резко негативным оставалось в союзных странах отношение к коммунистам и тем, кто их поддерживал. Вице-консул СССР в Сан-Франциско Г.М. Хейфец 30 марта 1943 г. сообщал в ВОКС: «Вам, вероятно, известна история с Чарли Чаплиным. Так называемая де-

мократическая печать потребовала высылки Чаплина из страны за его поддержку открытия второго фронта в Европе. А ведь Чаплин большой человек.

Вот таковы условия работы»⁵⁰.

Публикации ряда английских и американских авторов воспринимались пропагандисткой службой Германии как материалы, имеющие большую ценность с точки зрения ведения подрывной работы против союзников.

14 августа 1943 г. германское информационное бюро передало из Буэнос-Айреса, Аргентина, сообщение о том, что в июльском номере журнала «Ридерс дайджест» известный американский писатель Истмен «решительно предостерегает от большевизма и особенно от Сталина».

В сообщении пересказывалось содержание статьи Истмена, в которой давалась резкая критика Сталина. «Если, — писал Истмен, — мы не будем проводить твердую политику, то Сталин не будет с нами считаться. Повелитель России никогда не сделает того, что ему не подсказывают трезвые размышления».

Истмен расценивал Сталина как тирана, диктатора: «Сталин презирает массу и боится свободы. В России он ликвидировал человеческие права. Его огромная операция по чистке... уничтожила в России последние следы какой бы то ни было оппозиции. Сталин абсолютный диктатор». Истмен обрушивался на тех, кто выступал в США за укрепление сотрудничества с СССР: «Поразительно большое количество наших газет и журналов почитают Сталина божеством, которое держит в своих руках судьбы земного шара».

Истмен считал, что за восхваление Сталина личную ответственность несет президент Рузвельт: «Для многих наших интеллигентов и чиновников стало главной заботой находить добродетель в сталинской тирании. Начало было положено президентом, когда он, может быть усмехаясь, заметил, что русская конституция обеспечивает свободу религии»⁵¹.

Признавая огромное историческое значение Сталинградской битвы, американская пресса сравнивала ее с великими сражениями прошлого, близкими и понятными для широких кругов американской общественности. Например, «Крисчен сайенс монитор» опубликовала 12 февраля 1943 г. статью «Геттисберг и Сталинград», в которой Сталинградская битва сравнивалась с Геттисбергским сражением 1863 г., ставшим поворотным пунктом Гражданской войны 1861—1865 гг. в США.

Разгром немцев под Сталинградом поднял мощную волну энтузиазма среди самых широких слоев американцев, проявлявшего-

ся в самой различной форме. В частности, усилился сбор средств в фонд помощи Советскому Союзу. В этом движении участвовали миллионы американцев, придерживавшихся многообразных политических взглядов и относившихся к различным имущественным группам населения.

Несмотря на отсутствие Сталина на встрече Рузвельта и Черчилля в Касабланке, эта встреча имела очень важное значение для координации усилий союзников по разгрому общего врага. Она была тем более важна, что два руководителя встречались в период после разгрома немцев в Сталинградской битве и после успехов, достигнутых союзниками в Северной Африке.

Важность встречи Рузвельта и Черчилля доказывалась тем, что пресса стран антигитлеровской коалиции много писала об этом крупном событии в межсоюзнических отношениях.

27 января 1943 г. в сообщении из Нью-Йорка говорилось о том, что 24 января в Касабланке состоялась пресс-конференция Рузвельта и Черчилля. «Рузвельт, — говорилось в этой информации, — выразил сожаление по поводу того, что Сталин не мог принять участия в переговорах. Сталин, как Верховный главнокомандующий, сказал Рузвельт, является автором замечательного плана наступления, осуществляемого Красной Армией.

Выразив свое восхищение Сталиным, Черчилль высказал сожаление по поводу того, что Сталин, а также Чан Кайши не смогли принять участия в Конференции. Однако, сказал он, оба они полностью информированы о ходе переговоров⁵².

С подробным отчетом о встрече с Рузвельтом в Касабланке Черчилль выступил в палате общин.

12 февраля 1943 г. в сообщении из Лондона говорилось о том, что в своей речи в палате общин премьер-министр высказал глубокое сожаление, что «Сталин и некоторые из его выдающихся генералов не могли быть среди нас». Как упрек Сталину звучали слова Черчилля о том, что, несмотря на свой физический недуг, который он столь героически превозмог, президент был готов отправиться вплоть до Хартума в надежде на тройственную встречу.

Вместе с тем премьер-министр видел и обстоятельства, не позволившие Сталину, по его мнению, прибыть в Касабланку: «Однако премьер Сталин является верховным руководителем всего огромного русского наступления, — продолжал Черчилль, — которое тогда уже было в полном разгаре и которое продолжает неуклонно и триумфально развиваться. Как он заявил нам, он не мог оставить своего поста хотя бы на один день».

Черчилль заверил членов палаты общин, что Англия и США сделают все возможное, чтобы «оттянуть врага и его воздушные силы с русского фронта»⁵³.

В переписке с Черчиллем и Рузвельтом Сталин, отклоняя их неоднократные предложения встретиться на высшем уровне, как сказали бы сегодня, ссылаясь на занятость военными делами, поездками на фронт.

Многие отечественные историки ставят под сомнение ссылки Сталина на посещение им действующей армии. А. Рыбин, много лет прослуживший в личной охране Сталина, приводит многочисленные факты о его поездках на фронт⁵⁴.

Английская пресса оживленно комментировала результаты встречи Черчилля с Рузвельтом.

В сообщении из Лондона от 28 января 1943 г. говорилось, что «Дейли телеграф энд морнинг пост» опубликовала статью, в которой отмечалось: «Нельзя было ожидать, что Сталин сможет выехать из России в столь важный и вдохновляющий час. Однако Россия была полностью в курсе подготовки встречи и ее результатов». Газета отмечала, что предстоящая весна покажет, смогут ли оправиться немцы от нанесенных им русскими этой зимой ударов. К тому времени мощные удары на других фронтах могли бы превратить поражение противника в его разгром⁵⁵.

В сообщении из Лондона от 22 февраля 1943 г. отмечалось: «Каирский корреспондент агентства Рейтер передал, что Черчилль, возвратившись из Турции в Каир после своих переговоров с президентом Иненю, выступил на пресс-конференции. Он остановился на деталях военной ситуации в Северной Африке и заявил: “Все это сейчас отодвинуто в сторону огромнейшими достижениями храбрых войск наших русских союзников под верховным командованием Сталина, великого полководца, имя которого будет жить в веках и будет самым любимым в истории русского народа. Вполне возможно, что поражение немцев под Сталинградом окажется решающим”»⁵⁶.

Прогноз Черчилля в отношении Сталина, который будет «самым любимым в истории русского народа», мягко выражаясь, не оправдался. Используя слова Сталина, после смерти на его могилу высыпали «кучу мусора», и ветер истории не смог ее полностью развеять.

Что же касается оценки роли и места Сталинградской битвы, то в этом случае прогноз Черчилля полностью оправдался.

«Ньюс кроникл» писала в те дни, что «мерилом поражения Гитлера может служить то значение, какое приписывали битве за Сталинград как Черчилль, так и Советский Союз. Город Сталина

стал больше, чем только местом сражения... он стал символом воли русских к сопротивлению. Неудивительно, что Гитлер не осмелился подойти к микрофону 30 января — в день десятилетия захвата гитлеровцами власти».

«Таймс» подчеркивала, что великий боевой подвиг советских войск увенчал этот город двойным лавровым венком — одним за защиту против невиданного в военной истории натиска врага и другим — за изумительное контрнаступление, которое коренным образом изменило весь ход военных событий⁵⁷.

25-я годовщина Красной Армии явилась новым важным стимулом для восторженных отзывов в союзных странах на успехи советских вооруженных сил в Сталинградской битве и в последовавших сражениях.

22 февраля 1943 г. из Лондона сообщали, что в Шеффилде на митинге, посвященном 25-й годовщине Красной Армии, с речью выступил бывший британский посол в СССР, министр авиационной промышленности Стаффорд Криппс. Министр сказал: «Никакие похвалы не могут выразить всего величия достижений Красной Армии и той роли, которую советские солдаты, летчики, моряки и рабочие играют в мировой истории.

Я встречался с некоторыми из вождей Красной Армии. Я знаю железную и непреклонную, стальную целеустремленность ее Верховного Главнокомандующего Сталина. Его мужеству, его неустанной работе, его руководству, его совершенному мастерству мы и весь мир глубоко обязаны и глубоко благодарны».

Криппс заявил, что в результате побед Красной Армии многие англичане пересмотрели свою позицию по отношению к советскому правительству и советскому народу, и в Англии возник новый взгляд на отношения с Советским Союзом⁵⁸.

Шеффилд не был исключением. 22 февраля в сообщении из Лондона говорилось, что 21 февраля в Англии в обстановке исключительной торжественности отмечалась 25-я годовщина Красной Армии. Во всех крупных городах страны состоялись многочисленные митинги, созванные по специальному решению английского правительства и с участием членов кабинета.

В Лондоне такой митинг состоялся в одном из крупнейших залов столицы — Альберт-холле. Задолго до начала митинга зал заполнили тысячи его участников. Среди присутствовавших были представители английского и союзных правительств, г-жа Черчилль, советский посол И.М. Майский, посол СССР при союзных правительствах А.Е. Богомолов, многочисленные представители интеллигенции Лондона и рабочих лондонских предприятий.

В Кардиффе на митинге, посвященном 25-й годовщине Красной Армии, выступил заместитель премьер-министра Эттли, заявивший, «что нужно воздать должное твердости ума Сталина, который осуществляет руководство советской стратегией». Эттли смотрел в будущее. «Я считаю, — сказал он, — что Великобритания, США и СССР должны и в мирное время остаться хорошими товарищами во имя великого дела цивилизации»⁵⁹.

В Манчестере на митинге, посвященном 25-й годовщине Красной Армии, выступил министр колоний Стэнли. Министр заявил: «Советские генералы помогли Сталину осуществлять его стратегические планы, и в результате случилось чудо последних трех месяцев».

Стэнли особо отметил провал надежд Гитлера вызвать разлад среди национальностей, составляющих Советский Союз. Все народы СССР, сказал министр, сражаются за свою родину с энтузиазмом. Стэнли привел пример одного советского батальона, который, будучи окружен и находясь в безнадежном положении, сумел в штыковой атаке разгромить противника. В этом батальоне были бойцы 16 национальностей.

Стэнли сказал, что планы раскола народов Гитлер лелеял и в отношении Британской империи, но они также провалились⁶⁰.

Приказ Сталина в связи с 25-й годовщиной Красной Армии широко обсуждался в английских газетах и журналах.

Военный обозреватель агентства Рейтер, комментируя приказ Сталина, писал, что он «проникнут уверенностью и силой. Сталин мастерски сформулировал слабость германской стратегии». Успехи Красной Армии, отмечал обозреватель, являются результатом гибкой тактики русского командования, которое проявило лучшую маневренность и лучшую боеспособность, чем командование германской армии⁶¹.

Исключительно высокую оценку Сталину — руководителю Красной Армии и всему ее личному составу дал министр иностранных дел Великобритании А. Иден.

«В день Красной Армии, — говорил Иден, — мы воздаем должное всему руководству Красной Армии, Верховному командованию во главе со Сталиным за его мастерскую стратегию, генералам на фронте за великолепное применение ими этой стратегии, офицерам всех рангов за их храбрость и искусное руководство войсками, унтер-офицерам и солдатам за их непоколебимую стойкость при неудачах и за их порыв, с которым они бросились в наступление»⁶².

В Англии проходили митинги, посвященные дню Красной Армии. Некоторые из них были настоящими театрализованными представлениями.

В английской прессе рассказывалось об одном из таких митингов: в нем приняли участие представители шотландских лейб-гвардейцев, королевской конной полиции, английской авиации и королевской морской пехоты. Объединенные оркестры исполнили на митинге «Оду Красной Армии», написанную композитором Раустормом.

На сцене появились группы рабочих различных предприятий в сопровождении отрядов гражданской самообороны. Представители рабочих зачитали приветствие Красной Армии. Артистка Мэри Клер огласила текст обращения английских женщин к женщинам СССР.

С большой речью на торжестве выступил министр иностранных дел Иден. Сначала он зачитал приветствие Сталина этому митингу, встреченное бурной овацией собравшихся, которые стоя выслушали и приветствовали телеграмму Верховного главнокомандующего советскими вооруженными силами. Предложение Идена — обратиться с приветствием к населению Сталинграда, было встречено собравшимися новым взрывом аплодисментов⁶³.

Сталинградская битва вызвала оживленные отклики не только в союзных и дружественных странах.

По сообщению из Стамбула от 27 декабря 1942 г., известный турецкий журналист Джахид Ялчин в газете «Хабер» отмечал высокую боеспособность русской армии. Сталин, писал Ялчин, заявил, что Красная Армия перейдет в наступление и разгромит врага. И действительно, сразу же с приходом зимы русские перешли в наступление⁶⁴.

26 ноября 1942 г. турецкая газета «Ла Тюрки» сообщала: «Захват русскими города Калач показывает, как велик и важен стратегический успех этого наступления. В результате этих операций, берущих в клещи немецкие войска, находящиеся под Сталинградом, немцы рискуют оказаться в окружении»⁶⁵.

В сообщении из Стамбула от 22 марта 1943 г. говорилось, что Джахид Ялчин заявил корреспонденту ТАСС: «Красная Армия — это армия, создающая новый мир. Она является носителем мирных идеалов справедливости и международного братства. Ведя сегодня войну против агрессии и фашизма в защиту высоких прав человечества, Красная Армия окажет влияние на весь ход мировой истории».

Известный военный обозреватель Боран дал высокую оценку боевым и морально-волевым качествам Красной Армии. Он заявил: «Красная Армия черпает свои силы и свой боевой дух в народе. Именно поэтому ее боевые качества превзошли все ожидания»⁶⁶.

Сталинградская битва была поворотным пунктом в ходе Великой Отечественной войны и мировой войны в целом. Отныне с советско-германского фронта шла информация о все новых успехах

Красной Армии. Это окончательно определило направленность комментариев турецкой печати, она станет выступать только с позитивными оценками дела союзников.

22 марта 1943 г. ТАСС сообщал из Тегерана, что иранские газеты поместили многочисленные публикации о Красной Армии, портреты Сталина и многих советских генералов. Газета «Мехри Иран», перечислив последние победы Красной Армии, писала, что эти успехи «вновь продемонстрировали силу и величие Красной Армии, созданной 25 лет тому назад для защиты советской земли. Опыт показал, что Ленин и Сталин создали такую армию, которую не сломит никакая сила»⁶⁷.

24 февраля 1943 г. в сообщении из Нью-Йорка говорилось, что в столице Уругвая Монтевидео состоялся большой митинг, посвященный 25-й годовщине Красной Армии.

Видный профсоюзный деятель Энрике Родригес, выступая на митинге, заявил, что Красная Армия продвигается вперед, очищая от захватчиков советскую землю. «Этими операциями руководит Сталин — самый великий полководец мира, самый талантливый стратег и самый опытный маршал. Сталин ведет свой народ к победе, ибо он руководствуется правильной стратегией, которая не терпит компромиссов и которая обеспечит полный разгром и уничтожение противника». Оратор подчеркнул, что Красная Армия смогла добиться таких крупных успехов благодаря единству и самоотверженности всего советского народа⁶⁸.

В сообщении из Сиднея от 1 октября 1943 г. говорилось, что австралийские газеты уделяют большое внимание Сталинградской битве и последующим успешным наступательным операциям советских войск.

Австралийская газета «Морнинг геральд» писала, что занятие Красной Армией Смоленска создает серьезную угрозу всему северному фронту германских войск. «В настоящее время слово “Смоленск” звучит для Гитлера так же зловеще, как оно звучало для Наполеона в трагичные для него дни 1812 года»⁶⁹.

Сталинградская битва, успешные наступательные операции Красной Армии после ее завершения коренным образом изменили всю ситуацию на советско-германском фронте и в ходе Второй мировой войны в целом. Это нашло проявление и в деятельности немецких пропагандистских служб. Ведомство Геббельса вынуждено было не только резко активизировать свою работу, но и искать новые аргументы, чтобы объяснить неудачи немецкой армии на Восточном фронте.

И, как всегда, в центре этой пропагандистской деятельности была фигура Сталина.

12 ноября 1943 г. специальная радиопередача из Берлина на русском языке была посвящена критике доклада Сталина о 26-й годовщине Октябрьской революции. В передаче брались основные положения доклада и к ним давались комментарии, выдержанные в резко антисоветском, антисталинском тоне.

«Советский строй, — отмечалось в передаче, — оказался не только лучшей формой организации», — говорит Сталин. Да, да. В течение всех 5 тысяч лет нашей исторической эры мир еще не знал такой организации. Ни Египет, ни Древний Рим, ни Византия, ни средние века, ни эпоха инквизиции — никто не знал организации, которую подарил Сталин народам Советского Союза. Предатели и провокаторы, палачи и шпионы, пытки и убийства, застенки, концентрационные лагеря, сексоты на улицах, сексоты на службе, сексоты в собственной семье, плеть и приклад, пуля и яд, деньги, пахнувшие, кровью и кровь, пахнувшая деньгами, — вот лучшая форма сталинского строя».

В передаче рассматривалось еще одно из важных положений доклада — заявление Сталина, что Советская страна оказалась лучшей формой организации не только в мирное время, но и лучшей формой организации в дни войны. Да, отмечалось в передаче, ни одна страна ни в одну из самых кровавых войн не имела такой мобилизации, какую провел Сталин в советском государстве. Девушки и подростки на передовых линиях, старики и дети на минных полях, миллионы бойцов, гонимых на верную смерть, красноармейские жены и дочери, умирающие сотнями тысяч на заводах Урала и Сибири, пустые города, вымершие села, потоки крови и слез на обезлюдившей русской земле!

Передача заканчивалась обращением к сторонникам «режима Сталина»: «Аплодируйте, аплодируйте и дальше, подхалимы и лизоблюды, аплодируйте и дальше, кровавые сообщники и холуи сталинского режима! Ваши аплодисменты не заглушат голоса народного возмущения, который все громче и громче слышится со всех концов Советского Союза»⁷⁰.

Для многонационального Советского Союза национальный вопрос имел первостепенное значение. И это всегда учитывалось в немецкой пропаганде на советские республики.

Например, 26 ноября 1943 г. из Берлина в трансляции на эстонском языке на Таллин говорилось, что польская дивизия им. Костюшко переходит на сторону немцев. Это особенно неприятно для Москвы, так как польская дивизия «была организована самим Сталиным». Дивизия, говорилось в передаче, не хочет сражаться на стороне коммунистов. Это дает повод к дальнейшим арестам и рас-

стрелам поляков в СССР. «Роль преследователей поляков в Советском Союзе исполняют... главным образом польские евреи».

Сталин, отмечалось в передаче, сознавая, что переход польской дивизии на сторону немцев является постыдным фактом для коммунистов, старается его всячески скрыть. «По этому поводу состоялось совещание ЦК партии большевиков, в Комиссариате иностранных дел и, по достоверным данным, также лично у Сталина».

Польская дивизия имени Тадеуша Костюшко, по сообщению Берлина, была переведена в тыл, где проводится ее реорганизация, дивизию перегруппируют таким образом, что между польскими частями будут находиться особые воинские части НКВД⁷¹.

Эстонские части сражались в составе Красной Армии. И эта передача явно была рассчитана на то, чтобы распропагандировать ее солдат и офицеров, побудить их отказываться воевать против немецких войск.

Не случайно передача была посвящена польскому сюжету. Польская проблема стояла с большой остротой в отношениях Советского Союза с Англией и США, Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. По мере приближения Красной Армии к польской границе эта проблема все более обострялась, и был большой соблазн получить пропагандистские дивиденды, искусственно заостряя ее.

Во время войны во многом изменилось к лучшему отношение в СССР к Церкви, в первую очередь к православной. И Церковь немало сделала для того, чтобы мобилизовать усилия своей паствы на борьбу с фашистскими захватчиками.

Положение Церкви в Советском Союзе занимало важное место в отношениях СССР с союзными странами. Особенно это касалось Соединенных Штатов. В США нередко раздавалась критика в адрес советского руководства и лично Сталина в связи с тем, что в Советском Союзе, как считали многие американцы, не соблюдается свобода религии.

С учетом жестких гонений против религии в СССР в предвоенный период можно было нажать определенный политический капитал на критике положения с Церковью в Советском Союзе.

Смысл усилий немецкой пропаганды на этом направлении заключался и в том, чтобы лишний раз напомнить союзникам СССР, с какими безбожниками они имеют дело в Советском Союзе.

Немецкая пропаганда резко негативно относилась к любому проявлению лояльности руководителей Церкви в СССР к советскому руководству, и особенно по отношению к Сталину. И когда руководитель Русской православной церкви митрополит Сергей поздравил Сталина с 26-й годовщиной Октябрьской революции, это по-

служило причиной специальной радиопередачи пропагандистских служб Германии. Передача состоялась 13 ноября 1943 г.

В ней говорилось: «За Сергием последовали малороссийский митрополит Филарет Яценко, Алексей Введенский, первый патриарх православной обновленческой церкви и прочие господа, просившие Вседержателя охранить драгоценную жизнь Сталина на благо советской родины».

В передаче дезавуировались выступления руководителей православной Церкви: «Для нас... ясно, что московские почитатели Сталина не представляют верующих Советского Союза. Никакие религиозные маскарады, которые организует Сталин, не помогут настоящей свободе религии, пока она будет существовать под советской властью. Она восторжествует только после гибели большевизма»⁷².

Немецкая пропаганда не могла пройти мимо такого явления, как Русская освободительная армия во главе с бывшим генерал-лейтенантом Красной Армии А.А. Власовым, перешедшим на сторону немцев. Немецкая пропаганда всячески популяризировала предателей-власовцев. Так, в передаче немецкого радио от 13 ноября 1943 г. говорилось о том, что в 30-е годы оппозиция была в СССР ликвидирована, и антисталинские силы вынуждены были для свержения режима Сталина сделать ставку на внешние силы, «признать необходимость свержения Сталина и большевизма во внешней войне».

Автор передачи ставил вопрос: «Кто же мог нанести это поражение? Конечно, не англичане, не американцы, заключившие с СССР военный союз. Поражение могут нанести только немцы, направившие свое мощное оружие против большевизма».

В заключение подчеркивался определяющий тезис передачи — помнить всегда, что большевизм — главный враг России. «А тот, кто под влиянием подлой пропаганды Кремля забывает об этом, тот не достоин быть свободным. Удел того — рабство, покорное лизание залитых кровью сапог опричников Сталина»⁷³.

Во многом эта передача была рассчитана и на англо-американских союзников: война близится к концу, не забывайте, что главный враг — это большевизм.

Освобождение Северной Африки было первой крупной наступательной операцией англо-американских союзников против фашистской Германии. И немецкая пропаганда не могла игнорировать такое событие. 23 ноября 1943 г. радио Берлина в передаче на Советский Союз предприняло попытку скомпрометировать эту операцию союзников, используя широко применявшийся ими антисемитизм. В передаче было сказано, что в Северной Африке англо-американцы дали «свободу евреям» и никому больше⁷⁴.

Ведомство Геббельса допустило в данном случае серьезный сбой. С Северной Африкой, с «еврейской проблемой» произошел случай прямо противоположный тому, что пыталось утверждать радио Берлина.

Суть проблемы заключалась в следующем. В январе 1943 г. Рузвельт встретился с Черчиллем в Касабланке. Здесь же президент беседовал с французским генеральным консулом в Рабате и сделал замечание явно неудачное с учетом того, что в это время на полную мощность работали нацистские фабрики смерти в Освенциме, Бухенвальде и в других местах. Как известно, в этих концентрационных лагерях, помимо лиц других национальностей, погибли многие сотни тысяч евреев.

Рузвельт заявил, что «число евреев в некоторых видах деятельности (право, медицина и т.п.) следует, несомненно, ограничить в соответствии с процентом, который еврейское население Северной Африки занимает по отношению ко всему населению Северной Африки... Такая мера ликвидирует специфические и понятные жалобы, подобные тем, которые были у немцев на евреев в Германии, где, составляя лишь небольшую часть населения, свыше 50% адвокатов, врачей, школьных учителей, преподавателей колледжей и т.д. были евреи»⁷⁵.

В этой же передаче радио Берлина говорилось, что не де Голль хозяин Северной Африки, «а чрезвычайный уполномоченный Сталина Андре Марти, который в прошлом уже прославился своей жестокостью. Отсюда, из Северной Африки, большевики хотят пламя пожара мировой революции распространить на Южную и Юго-Восточную Европу»⁷⁶.

О каком-либо «господстве Сталина» в Северной Африке говорить было просто не серьезно. Более того, между СССР и его западными союзниками возникла дипломатическая проблема, когда в развитие своей операции в Северной Африке союзники высадились в Италии. При решении итальянской проблемы Англия и США не очень считались с интересами Советского Союза, что вызвало осложнение их отношений с СССР.

Тезис радиопередачи о том, что Сталин намерен разжигать пожар мировой революции, был явно рассчитан на внесение раскола в антигитлеровскую коалицию. Геббельсовская пропаганда вновь использовала пропитанный нафталином жупел коммунистической угрозы.

С 19 по 30 октября 1943 г. в Москве состоялась Конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. Эта встреча, предшествовавшая Тегеранской конференции глав правительств трех держав, была важным этапом на пути сплочения Объе-

диненных Наций в борьбе с фашистской Германией, ее союзниками и сателлитами.

Немецкая пропаганда нашла свой ракурс освещения работы этой Конференции для того, чтобы дискредитировать советское руководство, и в первую очередь Сталина.

17 ноября 1943 г. радио Берлина передало на русском языке передачу, в которой подчеркивалось, что главное решение Конференции — это «новые поставки советского пушечного мяса англо-американским пушечным королям».

В передаче говорилось, что «на Московской конференции Сталин прямо предупредил своих союзников-хозяев о грозящей СССР катастрофе, если англичане и американцы не окажут ему немедленной и эффективной помощи. Сталин довел до сведения Рузвельта и Черчилля, что за 2,5 года войны из строя выбыли убитыми, искалеченными... не более не менее как половина всего мужского населения СССР, способного носить оружие»⁷⁷.

Указанная передача радио Берлина приобретала особое значение, так как Московская конференция была преддверием первой за все время войны встречи Большой тройки, которая произошла спустя месяц в Тегеране.